

Лет несколько тому назад Орловский театр юного зрителя переименовался. А теперь стало видно, что и переименился. В лучшую сторону или в худшую? Не знаю, поскольку старый ТЮЗ застал уже при смерти, потому помне — в лучшую. Но: орловский театр «Свободное пространство» — не вчерашний ТЮЗ.

Свободное — от чего? Для каких надобностей расчищенное?

Я вижу пунктиром отмеченный путь, который прокладывает своими спектаклями художественный руководитель театра Александр Михайлов: есть общее жизнерадостное принятие мира, удаль и кураж в его «Кандиде» по Вольтеру, «Лекаре поневоле», «Рики-Тики-Тави», «Белом клыке» — последней премьере театра.

В театре, рассчитывающем в немалой степени на физическую выносливость артистов, на их владение приемами сценического боя, хореографическую выучку, и — наверняка — ежедневный тренинг (на манер танцевального класса?), кто-то из тюзовской труппы, возможно, не видит себе места и уже беспокоится на сей счет, хотя Михайлов и не идеалист, и не фанатик одной идеи. Он и впрямь больше осторожничаает, чем бросается без страха и без оглядки в свободное плавание под парусом, например, Театра Экспрессивной Пластики.

Хотя опять же такой путь — пластического театра, в спектаклях которого слово чаще и чаще будет подменяться жестом, пластическим трюком, наверное, может стать наиболее перспективным для труппы, так хорошо подготовленной к подобной «кизнурительной» работе. «Белый клык» во всяком случае дает основание говорить о мастерском владении своим телом уже довольно большой группы молодых артистов (режиссер по пластике и постановщик боев Андрей Щукин), без усталости прыгающих, танцующих, дерущихся. Так, что не слышно одышки и не видно пота.

Умение актеров ловко двигаться, сам динамичный характер представления (все же я буду говорить в большей мере о последней работе театра — о «Белом клыке» по роману Джека Лондона) позволяют обходиться прак-

тически без декораций — играть на коврике, как говорили прежде. Здесь — на белом половике и на фоне белого задника, острыми углами расчертившего сценическую вертикаль. Углы эти изображают, как видно, заснеженные горы и холмы, белый полвик — в снегу утонувшая рав-

и кто-то на время становится Понгонщиком, Белым Клыком, потом — на минутку — гнездом куропатки, а кто-то на ту же минутку — балкой. Как водится, плохих героев играть, оказывается, легче, и не любить их проще, чем симпатизировать во всех отношениях положительному Инженеру Уидо-

ва дошли разговоры о будто бы готовящемся закрытии спектакля из-за нескольких «откровенно эротических сцен», недопустимых для детского театра. Разговоры довольно быстро приобрели вполне серьезный оборот: до того, как спектакль увидят дети, его обязательно следует пока-

апподисменты.

В Орле я вдруг подумал: как хорошо бывает приезжать в уже знакомый театр. Не в том дело, что встречают хорошо. Интересно (я говорю, конечно, о театре, интереса заслуживающем), оказывается, видеть, как меняются актеры, как кто-то из них растет от роли к роли, а кто-то, наоборот, теряет. Можно, наверное, не заметить с первого взгляда внутренних противоречий, но любые внешние перемены, наоборот, воспринимаются остро. Приятно было увидеть новую для меня актрису Маргариту Рыжикову, забавно, вызывая знакомое по детским площадкам зоопарка умиление, играющую маленького Белого Клыка. А взрослого волка играет Виктор Супрун, когда-то поразивший меня своей искренностью, открытым и чистым лицом в вольтеровском Кандиде.

Прошло несколько лет, сегодня он стал, конечно, много профессиональнее, он еще свободнее двигается, при этом ему удалось почти невозможное, — сохранить лицо, и искренность, и чистоту. Он может играть самое сложное. — положительных героев. Им веришь, им сопереживаешь, их жалеешь. В том театре, который так исподволь строит Михайлов, пришлось ко двору и стал своим Алексей Бояджи, которого впервые увидел я в «Рики-Тики-Тави», а здесь он играет Волка-отца, индейца, бульдога Черокки, Шамана и зрителя на собачьих боях.

«Белый Клык» пользуется успехом не только потому, что это — известная история, которую режиссер (он же — автор либретто) рассказывает не как роман, а скорее как легенду, передавая суровое дыхание ее слов. Это еще и красивый спектакль, красивый в своих мелочах: в сцене рождения Белого Клыка, когда белый полук, стянутый к ногам в одну кучу превращается в живот беременной самки, который вдруг расправляется, вздымается вверх и из-под него в красном свечении показывается свернувшийся в комочек детеныш. Когда я говорил о легенде, я имел в виду и это самоограничение выразительных средств, условную и наивную манеру представления.

Григорий ЗАСЛАВСКИЙ.

НАМ ВСЕМ ГРОЗИТ СВОБОДА

нина. Костюмы, резкие смены цветных огней и музыкально-танцевальные номера окончательно определяют условный характер действия.

Михайлов «перерассказывает» роман как музыкальную сказку, выбирая из довольно толстой книжки самые яркие места. И пока смотришь спектакль, сцена за сценой будоражит память и вызывает из нее собственные детские впечатления, и кажется, будто Михайлов не упустил ничего из этой холодноватой, суровой и в то же самое время мелодраматической истории со счастливым концом.

Девять артистов играют по несколько ролей, а все вместе они высканивают на сцену одной волчьей стаей. Потом разбегаются

ну Белью (Валерий Лагоша). Тем более, что Красавчик Смит (Игорь Москун) так виртуозно, как западский ковбой, щелкает хлыстом. Умение это, говорят, по достоинству оценили американские зрители во время гастролей спектакля в Калифорнии.

Собственно, это были не просто гастролы, — там, в Америке, театр сыграл премьеру спектакля. Среди маленьких зрителей мало кто читал книгу Джека Лондона (на спектакли в Орле собирается куда как более подготовленная публика), некоторые даже не слышали имени такого писателя. Зато гастролы сопровождала довольно забавная история. Накануне первого представления (а перед премьерой было несколько репетиций) до Михайло-

зать представителям местной организации, функции которой отдаленно напоминают отечественные РОНО.

Посмотреть не столько спектакль, сколько на те самые две или три сцены, действительно откровенно запечатлевшие любовь между волками-родителями Белого Клыка, пришли несколько строгих женщин. Остались довольные, но одну просьбу все же высказали — чуть раньше начать затемнение во время одной из таких сцен. Просьба была, конечно, выполнена, после чего американские детишки веселой гурьбой пошли на спектакль Орловского театра. Говорят, что в Америке «Белый Клык» прошел с большим успехом. Я был свидетелем успеха в Орле: полный зал, долги